

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

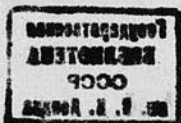
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

15-го октября № 20. 1875 года.

Посѣщеніе Его Сіятельствомъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, Графомъ Д. А. Толстымъ, г. Екатеринослава, Екатеринославской Духовной Семинаріи и Екатеринославскаго Женскаго Духовнаго Училища (4—8 октября 1875 года).

Октябрь текущаго года ясно доказалъ, что проведеніе реформъ, пугей, сообщенія остается далеко не безслѣднымъ и для разнаго рода учебныхъ вѣдомствъ. До настоящаго времени, если то или другое изъ высокопоставленныхъ лицъ или осматривало когда-либо тѣ или другія учебныя заведенія Екатеринославской губерніи, то учебныя заведенія собственно г. Екатеринослава, иза недостаткомъ удобнаго сообщенія съ городомъ, обыкновенно оставались не осматрѣнными, и ихъ осмотръ имъ всегда предоставлялся лишь лицамъ, официально на то поставленнымъ. Пріѣздъ въ текущемъ октябрѣ въ г. Екатеринославъ Его Сіятельства, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокурора Св. Синода, показалъ, что съ этихъ поръ какъ учрежденія всякихъ другихъ вѣдомствъ, такъ и учебныя заведенія разныхъ вѣдомствъ собственно г. Екатеринослава не будутъ болѣе оставаться, при осмотрахъ, въ сторонѣ, и что Екатеринославъ, съ отъ

крытіемъ желѣзной дороги, сравнялся и въ этомъ отношеніи съ другими городами Екатеринославской губерніи.

Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія прибылъ въ г. Екатеринославъ 4 октября, въ 8 часъ вечера, съ вечернимъ поѣздомъ и былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги г. Начальникомъ губерніи и представителями какъ всѣхъ учебныхъ вѣдомствъ г. Екатеринослава, такъ и представителями всѣхъ другихъ екатеринославскихъ учреждений. Кромѣ этихъ лицъ, явились на станцію желѣзной дороги, для встрѣчи Его Сіятельства, и воспитанники Екатеринославской Губернской мужской Гимназіи. Такъ какъ слѣдующій день былъ день воскресный, то на станціи же желѣзной дороги, освѣдомившись предварительно — имѣть ли Гимназія свой домовый храмъ и сами ли воспитанники поютъ и читаютъ въ церкви, Его Сіятельство благоволилъ объявить, что завтрашній день, т. е. 5 октября, онъ намѣренъ слушать божественную литургію въ гимназической церкви, высказавъ при этомъ желаніе, чтобы литургія была отправлена такимъ же точно образомъ, какъ она отправляется всегда въ Гимназіи. Со станціи желѣзной дороги Его Сіятельство прослѣдовало въ свою квартиру — въ домъ Его Превосходительства г. Губернаго Предводителя Дворянства Г. П. Алексѣева.

Непосредственно послѣ литургіи, совершенной всеми законоучителями какъ мужской, такъ и женской Гимназій, Его Сіятельству представлены были все служащіе при Гимназіи; послѣ чего были осмотрѣны Его Сіятельствомъ бібліотека, кабинеты Гимназіи и зданіе. Познакомившись съ Гимназіею, Его Сіятельство въ тотъ же день благоволилъ посѣтить Его Преосвященство, Преосвященнѣйшаго Теодосія епископа Екатеринославскаго. Въ квартирѣ Его Преосвященства представлены были Его Сіятельству начальствующіе и служащіе при Екатеринославской Духовной Семинаріи, Женскомъ Духовномъ Училищѣ, мужскомъ уѣздномъ

номъ училищѣ, члены и служащіе при Екатеринославской Духовной Консистоіи и екатеринославское градское духовенство. Послѣ того какъ всѣ были представлены, Его Сіятельство, обратившись къ корпорации семинарской, благоволило сказать, что, по краткости времени, назначеннаго для его пребыванія въ г. Екатеринославѣ, онъ, къ сожалѣнію, не можетъ посѣтить уроковъ г. преподавателей Семинаріи, но что при первомъ удобномъ времени онъ посѣтитъ какъ Семинарію, такъ и Епархіальное Женское Духовное Училище, что Его Сіятельство имѣетъ уже хорошіе отзывы о Семинаріи ревизовавшаго Семинарію предъ его пріѣздомъ члена Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ С. И. Миропольскаго, который находился тутъ же и утромъ этого дня представилъ Его Сіятельству свой отчетъ о ревизіи Семинаріи.

Весь день 6-го числа Его Сіятельствомъ былъ посвященъ на осмотръ Екатеринославской Губернской Гимназіи. Во время уроковъ, Его Сіятельствомъ посѣщены были уроки почти всѣхъ преподавателей, а уроки нѣкоторыхъ даже по два раза.

7-го числа до 12 час. утра Его Сіятельство благоволило посѣтить Екатеринославскую Маринскую Женскую Гимназію, гдѣ присутствовали на нѣкоторыхъ урокахъ, и затѣмъ — только что открытое передъ Его пріѣздомъ Реальное Училище. Послѣ завтрака, даннаго городскимъ обществомъ, (Его Сіятельство, вмѣстѣ съ г. Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа, Его Высокопревосходительствомъ С. П. Голубцевымъ, посѣтило Екатеринославскую Семинарію. Встрѣченный здѣсь при подѣздѣ Его Пресвященствомъ и всею корпорациею семинарскою, Его Сіятельство, въ сопровожденіи г. Попечителя Округа, прошло прямо въ актовую залу Семинаріи, въ которой (такъ какъ время уроковъ было уже кончено) были собраны всѣ воспитанники Семинаріи. Здѣсь Его Сіятельство прежде всего

изволил благодарить воспитанниковъ Семинаріи за то, что, по отчету ревизовавшаго Семинарію, въ ней нѣтъ тѣхъ грубыхъ недостатковъ, которыми страдаютъ многія другія Семинаріи; затѣмъ выразилъ надежду, что недостатковъ этихъ не будетъ въ ней и впредь, такъ какъ существовать и развиваться можетъ только то, зародыши чего уже существуютъ въ данной почвѣ. Послѣ этого Его Сіятельство олаговолилъ осмотрѣть все зданіе Семинаріи—былъ въ семинарской церкви, въ семинарскихъ спальняхъ, въ классахъ, бібліотекъ, физическомъ кабинетѣ, въ столовой, гдѣ накрытъ былъ столъ для воспитанниковъ, и въ семинарской больницѣ. Осмотрѣвши лично больничное помѣщеніе, Его Сіятельство согласился какъ съ прежними представленіями Правленія Семинаріи о неудобствѣ помѣщенія семинарской больницы въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщаются и воспитанники, такъ и съ представленіемъ объѣздомъ предметъ и въ этомъ же родѣ г. ревизовавшаго Семинарію, и изволилъ общать ходатайствовать предъ Св. Синодромъ объ отпускѣ суммы на устройство особаго зданія для семинарской больницы, отдѣльнаго отъ зданія Семинаріи. Послѣ осмотра зданія Семинаріи, Его Сіятельство снова вошелъ въ актовую залу, гдѣ освободилъ учениковъ отъ классныхъ занятій на слѣдующій день, и затѣмъ, выразивши свое удовольствіе начальствующимъ и служащимъ Семинаріи за хорошее состояніе заведенія, изволилъ отправиться вмѣстѣ съ г. Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа для осмотра Еватеринославскаго Женскаго Духовнаго Училища.

Встрѣченный и здѣсь Его Преосвященствомъ, Его Сіятельство осматривалъ все зданіе Училища, спрашивалъ нѣкоторыхъ воспитанницъ, и, сдѣлавши замѣчаніе относительно нѣкоторой чистоты помѣщенія сравнительно съ количествомъ воспитанницъ, которая была объяснена Его Сіятельству Его Преосвященствомъ желаніемъ бываго во время пріемныхъ ис-

пытаний Създа епархіального духовенства — принять всѣхъ воспитанницъ, выдержавшихъ испытаніе, — выразилъ также свое удовольствіе за благоустройство Училища.

8-го числа въ 6-мъ часу утра Его Сіятельство оставилъ г. Екатеринославъ, выѣхавши на лошадахъ чрезъ м. Никополь для осмотра учебныхъ заведеній г. Херсона и Херсонской губерніи. *Р—кій.*

Занятія въ приготовительномъ классѣ при духовныхъ училищахъ¹⁾

(Продолженіе).

Для того, чтобы быть убѣжденнымъ въ томъ, что дѣти имѣютъ способность и возможность трудиться и что они дѣйствительно трудятся и трудятся съ удовольствіемъ, учителю приготовительнаго класса необходимо такъ поставить свои занятія съ дѣтьми, чтобы первые его уроки исполняемы, т. е. усвоены были дѣтьми въ классѣ, въ его присутствіи и подъ его руководствомъ. Много даже — очень много, приносятъ вреда дѣтямъ тѣ учителя низшихъ классовъ, которые имѣютъ обыкновеніе давать дѣтямъ уроки на домъ! Въ самомъ дѣлѣ можно ли ожидать, что ученикъ приготовительнаго, напр., класса сознательно и отчетливо выучить данный ему на домъ урокъ? Отнюдь нѣтъ; потому что прежде, чѣмъ учить урокъ дитя должно знать, видѣть — какъ исполняютъ это дѣло другіе, — оно должно быть научено учить урокъ. Мы осмѣливаемся рѣшительно заявить, что многое множество дѣтей оказались лѣнвыми, малосмыслящими и, наконецъ, совсемъ неспособными къ занятіямъ потому только, что они, поступивши въ школу, не были научены искусству учить урокъ, или вообще исполнять классную работу. Не думаемъ, чтобы это наше убѣжденіе было неосновательно; слѣдуетъ только со-

¹⁾ См. Екатер. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 9, 10, 16 и 19.

образить, что всякое начало трудно и что во всякомъ, даже самомъ легкомъ урокъ, ученику въ каждомъ словѣ и на каждой строкѣ представляется все новое и новое, и тогда всякій пойметъ, что для дитяти выучить первый урокъ безъ помощи учителя очень трудно. Какъ бы урокъ легокъ ни былъ, онъ во всякомъ случаѣ представитъ ему слѣдующіе вопросы: съ чего начать? какъ продолжать? чѣмъ кончить? какъ кончить? какъ отвѣчать? понравится-ли учителю мой отвѣтъ? и т. д. Всѣ эти вопросы, оставшіеся неразрѣшенными, на первый же разъ поселяютъ въ дитяти сомнѣніе, опасеніе, страхъ и вообще — тяжелое чувство, но не любовь къ труду; поэтому учителю приготовительнаго класса слѣдуетъ принять за правило: не давать дѣтямъ на домъ по возможности никакой работы; — до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока ученики не онаучатся подъ его руководствомъ разумно учить урокъ въ классѣ. Дитя учится ходить сперва съ помощію няньки; такъ и учителю не слѣдуетъ дожидаться того времени, когда несостоятельность и сила дитяти обнаружится слишкомъ ясно и потребуетъ его помощи неотложно; напротивъ, если онъ захочетъ на первыхъ же порахъ поселить въ дѣтяхъ довѣріе къ своимъ силамъ, то долженъ самъ пособлять имъ въ занятіяхъ. Преодолывать ближайшія, вѣншія трудности предмета есть всегда дѣло не ученика, а учителя. Встарину держались, да и теперь еще нерѣдко держатся, жалкаго обычая взваливать наибольшія трудности на ученика, причемъ учитель заботился только о томъ, чтобы выиграть больше времени и имѣть меньше хлопотъ съ дѣтми: онъ задавалъ только, да спрашивалъ, а все прочее предоставлялъ дѣлать самимъ ученикамъ. Но въ такой постановкѣ дѣтскихъ занятій нѣтъ никакого преподавательскаго искусства, потому что приказать опиши, нарисуй, расскажи и т. п., не показавши, какъ можно рисовать, описывать и т. д., можетъ и

всякій полуграмотный дѣлчекъ и даже отставной солдатъ; но не всякій можетъ научить дѣтей чему-либо дѣльному своимъ собственнымъ примѣромъ. Напротивъ, дѣльный учитель, начиная ученику работу, долженъ не тѣмъ лишь довольствоваться, чтобы за одинъ разъ поправлять ошибки его по окончаніи работы, но долженъ помогать ученику понемногу *во время самой работы*, такъ, чтобы и работа у ученика шла успѣшнѣе и силы его по возможности сберегались. Всякому ученику вообще слѣдуетъ предлагать только такія занятія и задачи, которыя онъ могъ бы одолѣть при надлежащихъ усиліяхъ: постоянная безуспѣшность, постоянная неудача отнимаетъ энергію и у самаго хорошаго ученика; и обратно—успѣхъ удволяетъ энергію человѣка и дѣлаетъ его мужественнѣе и предпріимчивѣе. Училищное дитя, даже въ приготовительномъ уже классѣ, должно испытать нетолько то, что безъ труда нѣтъ плода, но и то, что «хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки»; предоставленное же только собственнымъ своимъ силамъ—оно никогда, или слишкомъ поздно испытаетъ это!

Какъ же именно слѣдуетъ учить ученика готовить урокъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно сказать очень много; но мы постараемся высказать только существенное и, по возможности, кратко. Научить дитя готовить урокъ прежде всего значить—указать ему на мѣсто, время и обстоятельства, способствующія легкому и скорому усвоенію заданнаго урока; на расположеніе духа, необходимое для всякой правильной умственной работы, и, наконецъ, на тѣ дидактическіе приемы, которые обуславливаютъ собою правильность и разумность усвоенія урока.

Каждый учитель по собственному опыту, думаемъ, знаетъ, что далеко не одно и то же—учить урокъ въ такомъ мѣстѣ,

гдѣ все приспособлено къ тихой и уединенной дѣятельности, — гдѣ не холодно, достаточно свѣта, удобно сѣсть и встать, — и заниматься тамъ, гдѣ и холодно, и темновато, и много шума и другихъ неудобствъ. Но дитя только что начинающее заниматься не знаетъ, гдѣ удобнѣе учить урокъ и гдѣ — нѣтъ; а потому оно должно быть предупреждено учителемъ; учитель долженъ разъяснить ученикамъ именно слѣдующее: комната дымная, напримѣръ, — темная, тѣсная и душная неудобна для занятія; точно также неудобно учить урокъ тамъ, гдѣ много шума и предметовъ, отвлекающихъ наше вниманіе. Вообще, ученикъ какъ можно ранѣе и серьезнѣе долженъ быть убежденъ въ томъ, что приготовленіе урока есть дѣло очень важное, а потому съ его стороны должно быть сдѣлано все для того, чтобы ничто не мешало его урочнымъ занятіямъ.

Что касается времени приготовленія урока, то и о немъ нужно сказать дитяти, что не всегда одинаково удобно учить урокъ. Такъ еще древніе говорили: *Satur venter non studet libenter* (сытое брюхо къ ученію глухо), въ новѣйшее же время можно найти и много другихъ, болѣе точныхъ, указаній на то, когда заучиваніе урока совершается легче и когда труднѣе: такъ, замѣчено, напр., что утромъ урокъ усвоется легче, чѣмъ вечеромъ и особенно — чѣмъ вскорѣ послѣ обѣда; но заученное свечера и повторенное утромъ запоминается тверже, чѣмъ выученное утромъ и повторенное въ обѣдъ или вечеромъ и т. д.

Но еще болѣе, чѣмъ мѣсто и время, имѣютъ значенія для приготовленія урока обстоятельства или та среда, въ которой находится учащійся. Дѣти вообще склонны подражать, а потому неудивительно, что дитя, окруженное такими лицами, которыя проводятъ время въ праздности, не станетъ охотно учить урока и, если выучитъ, то — поверхностно и непрочно.

Но особенно важное значеніе въ дѣлѣ приготовленія урока

имѣть то настроеніе духа, съ которымъ дитя принимается за свою работу. Учителемъ должно быть сдѣлано все для того, чтобы приготовленіе уроковъ совершалось дѣтьми съ любовью и радостію. Съ этою цѣлю онъ долженъ позаботиться, между прочимъ, о томъ, чтобы урокъ былъ достаточно интересенъ и не слишкомъ труденъ, но и не совсемъ легокъ. Кромѣ того, ученикъ долженъ понимать и быть убѣжденнымъ въ томъ, что приготовленіе урока есть для него священная обязанность, — угодная Богу, полезная ему и пріятная всѣмъ добрымъ людямъ. Благоразумный учитель не забудетъ также внушить дѣтямъ, что молитвенное расположеніе духа, воодушевленная насъ, дѣлаетъ почти всякій честный трудъ легкимъ для насъ. Молитва и безкорыстная любовь къ дѣлу должны сопутствовать всѣмъ вообще занятіямъ дѣтей.

Наконецъ, относительно тѣхъ дидактическихъ приемовъ, которые облегчаютъ собою усвоеніе урока, нужно сказать, что они весьма могутъ разнообразиться, — смотря по предмету изученія (стихи, описаніе, разсказъ и т. д.), по возрасту учениковъ и по характеру учителя. Но, измѣняясь въ частности, всякое дѣльное приготовленіе урока должно соблюсти слѣдующіе моменты: а) прежде, чѣмъ учить чтонибудь, дитя должно легко и правильно читать. Съ этою цѣлю учитель долженъ заставить ученика прочесть въ своемъ присутствіи, спокойно, не торопясь и нѣсколько разъ (если нужно) вслухъ заданный урокъ; б) понятно само собою, что чтеніе заданнаго урока нужно здѣсь не само по себѣ, но — единственно потому только, что посредствомъ правильнаго и толковаго чтенія легче усвоится смыслъ даннаго урока; а потому, послѣ того какъ учитель убѣдится, что урокъ механически читается правильно, дитяти предлагается вопросъ: о чемъ заданъ урокъ? На этотъ вопросъ оно должно отвѣтить ясно и точно и, если возможно, должно дать сильныя объясненіе-

ня сказанного имъ; в) затѣмъ учитель предлагаетъ дѣтямъ вопросы такого рода: о чемъ говорится въ началѣ урока, о чемъ въ серединѣ и о чемъ въ концѣ? Что говорится о томъ-то и о томъ-то? Послѣ двухъ, трехъ, а если нужно и больше, такихъ разъясненій урока, дѣти, подъ руководствомъ учителя, дѣлаютъ подобное разсмотрѣнiе урока сами; помощь со стороны учителя подается дѣтямъ, по мѣрѣ ихъ развитiя, все менѣе и менѣе; г) послѣ того, какъ дѣтя поняло, въ чемъ заключается главный смыслъ задаваемого урока и на какiя главные части можетъ быть онъ раздѣленъ, учитель обращаетъ его вниманiе на то, что и въ какой именно части урока слѣдуетъ главнымъ образомъ заучить такъ, въ урокъ могутъ быть собственныя имена, трудно переложимыя выраженiя и проч.

Такая помощь должна быть оказываема дѣтямъ, по возможности, въ продолженiе пѣлаго года; но такъ, чтобы учитель, руководствуя учениковъ — при подготовленiи уроковъ, постепенно сокращалъ свои вмѣшательства въ него, — для того, чтобы, когда ученики перейдутъ въ первый классъ училища, подготовленiе уроковъ было для нихъ легкимъ предметомъ собственной самодѣятельности. Пусть учитель подготовительнаго класса будетъ увѣренъ, что, научивши дѣтей готовить урокъ, онъ тѣмъ самымъ открываетъ имъ широкiя двери въ дальнѣйшiе классы; если же онъ не сдѣлаетъ этого, то хотя бы онъ трудился въ теченiе года самымъ усерднымъ образомъ — существенной пользы онъ не принесетъ! Вотъ, что говорятъ опытные педагоги о томъ значенiи, какое имѣеть для дѣтей умѣнiе готовить уроки: «безъ этой необходимой и безотлагательной помощи, методически оказываемой (т. е. безъ наученiя готовить урокъ), ученики вслѣдъ за поступленiемъ въ школу сбиваются съ толку, обезкураженны и встревоженны не знаютъ — за что ухватиться, съ чего начать, со-

бираются сдѣлать одно, выходить другое. Въ классѣ, положимъ, учителя ясно все растолкуютъ, но дойдетъ дѣло до приготовленія заданныхъ уроковъ, и бѣдный повичокъ становится въ тупикъ при первыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ своими книгами и задачами. Нужно время, чтобы сжиться съ книгой, особенно съ серьезной и по предмету своему, и по изложенію, какъ бы оно тамъ ни было упрощено. Въ ожиданіи этого времени, приходится годъ, два или три все брать одною памятью, заданное заучивать не по мыслямъ, а по словамъ, до тѣхъ поръ повторяемымъ одно послѣ другаго, пока они механически, сплошною массой, какъ кливъ, не воткнутся въ память (Осн. Пед. 1871 г. Классовскій, стр. 153—154). Но еще лучше говорить объ этомъ незабвенный К. Д. Ушинскій. «При первоначальномъ обученіи дѣти должны исполнять всѣ свои уроки въ классѣ, подъ надзоромъ и руководствомъ учащихся, которые сначала должны выучить ребенка учиться, а потомъ уже поручить это дѣло ему самому. Изъ этого ученія уроковъ въ самомъ классѣ, при учащемъ, выходитъ много полезныхъ послѣдствій; во первыхъ, — тогда уроки не мѣшаютъ ребенку свободно развиваться, — подъ влияніемъ природы и окружающихъ его людей, не лишаютъ его сна и аппетита, не отравляютъ его игры; во вторыхъ, учитель, задавшій урокъ, видитъ, какъ этотъ урокъ исполняется ребенкомъ, и замѣчаетъ, можетъ быть, свои собственные ошибки въ преподаваніи; въ третьихъ, «наблюдая за ребенкомъ, выполняющимъ урокъ, учитель всего удобнѣе изучаетъ дитя, замѣчаетъ, что ему дается легко и что трудно, и предупреждаетъ всякое ложное пониманіе, часто превращающееся посредствомъ зазубриванія въ умственный недостатокъ, который надобно потомъ искоренять; въ четвертыхъ, дитя выучивается учиться подъ руководствомъ наставника, а это въ первоначальномъ обученіи важнѣе самаго ученія».

«Задавать дѣтямъ внѣ-классные уроки положительно вредно; только послѣ хорошихъ предварительныхъ классныхъ занятій въ прежніе годы, можно допустить небольшіе уроки внѣ-класса, имѣя въ виду, что такіе уроки ожидаютъ дѣтей въ большинствѣ нашихъ учебныхъ заведеній. Припомнимъ только себѣ, сколько слезъ и мученій стоили каждому изъ насъ эти заданные внѣ-классные уроки и какую ничтожную пользу они принесли! Нѣтъ ничего легче для учащихся, какъ отмѣтить перомъ или карандашемъ страницу въ книгѣ и задать ребенку выучить ее къ слѣдующему разу. Но посмотрите, какъ ребенокъ, предоставленный слишкомъ рано самому себѣ, бьется надъ этой мучительною страницей, какъ зубрить ее безтолково, удесятеривъ свой трудъ неумѣннѣмъ за него взятъ; какъ пачкаетъ и тетрадь, и руки, и лице чернилами, какими горькими слезами обольетъ иную, неудающуюся букву, — и вы поймете, откуда иногда берется въ дѣтяхъ отвращеніе къ учебной. Кроме того, помните, что вы вашимъ урокомъ не только испортили ребенку то время, когда онъ сидѣлъ за нимъ, но испортили ему цѣлый вечеръ, а можетъ быть и цѣлый день, и что играя онъ блѣднѣетъ или вздрагиваетъ, вспоминая заплутую чернилами страницу или невыученныя строки. Мы сильно заблуждаемся, если думаемъ, что жизнь ребенка въ школьномъ возрастѣ вся принадлежитъ школѣ; нѣтъ, школа имѣетъ только весьма небольшую долю въ томъ естественномъ развитіи дитяти, на которое гораздо больше вліянію оказываетъ время, природа и семейная жизнь. Школа не имѣетъ права вторгаться въ чуждую ей область и мѣшать своимъ уроками вліянію другихъ великихъ воспитателей — любви природы и жизни (Руководство къ преподаванію по «Родному Слову», стр. 14 — 15, К. Ушинскій)».

«Существуетъ, говоритъ Классовскій, мнѣніе, въ прочихъ случаяхъ весьма основательное: нужно какъ можно раньше приучать дѣтей рассчитывать на самихъ себя, не вѣдать имъ, такъ сказать, въ ротъ того, чего они могутъ и должны добиться сами». Какъ можно раньше — это справедливо, но не раньше возможнаго для ребенка вообще. Брить напр. какъ можно раньше бороду, не значить бритью ее прежде, чѣмъ она выросла. При томъ, предоставляющие ребенка самому себѣ въ томъ, что превосходить его силы, доводятъ его до оту-

нѣнія, подвергаютъ его въ униженіе, которое, какъ опыты показываютъ это слишкомъ часто, привьется къ нему впередъ на нѣсколько классовъ, а можетъ быть и будетъ сопутствовать ему до самаго выхода изъ школы. Известно, что половина плохихъ учениковъ, потому что плохи, что они впади въ униженіе, переступивъ порогъ школы. Главнымъ поводомъ къ такому униженію почти всегда служило «шеломленіе первоначальными уроками» (Осип. Пед., стр. 154).

Какъ лице человѣка часто служитъ выскоку души его, такъ и внѣшніе наши поступки и даже приемы, выражаютъ внутренній строй человеческой жизни. Человѣкъ благосчитанный, внутренне любящій порядокъ, красоту и правду, и по внѣшнимъ своимъ дѣйствіямъ оказывается человѣкомъ вѣжливымъ, мягкимъ и аккуратнымъ; наоборотъ, человѣкъ нравственно и умственно распушенный, и во внѣшней своей дѣятельности безъ труда узнается, какъ человѣкъ безпорядочный, разсыянный и грубый, — хотя бы онъ знакомъ былъ со всеми правилами свѣтской вѣжливости. Но порядокъ и законъ становятся нашею потребностью только въ томъ случаѣ, когда мы основали на нихъ свою первоначальную жизнь; въ противномъ случаѣ мы болѣе склонны вести свою жизнь безъ дѣла и порядка. Вотъ, почему отъ учителя первоначальной школы всегда требовалось и будетъ требоваться, чтобы онъ заботился не только о внутреннемъ развитіи дѣтей, но и о томъ, чтобы всѣ дѣйствія дѣтей по своей формѣ соответствовали своему назначенію. Нужно, чтобы дитя не только знало, понимало и было нравственно хорошо, но — чтобы умѣло знанія осуществить, на дѣлѣ и притомъ въ приличной формѣ. Не скоро вливается дѣтми умѣніе вести себя во всѣхъ важныхъ случаяхъ аккуратно; но съ тѣмъ болѣе, за вниманіемъ долженъ учитель отнестись къ этой сторонѣ своего дѣла. Правда, въ рукахъ учителя мало средствъ къ тому, чтобы образовать дитя и по внѣшности; но очень много сдѣлаетъ и тогда, когда благоразумно употребить для этой цѣли то, что у него есть. Въ дѣлѣ обученія однимъ изъ средствъ располагающихъ дитя къ порядку, аккуратности и законности, считается классная дисциплина вообще, и въ частности — приученіе дѣтей къ разумному обращенію съ книгами и другими учебными вещами и пособиями.

Въ прежнее время на эту сторону школьной дѣтской жизни не обращали, можно сказать, никакого вниманія: растрепанная книга, обгрызанное перо, зачаканная тетрадь, изрѣзанная и обезображенная линейка и проч. были неотъемлемою принадлежностію старой школы. Ученикъ зналъ и боялся только одного учителя съ его постоянною разгою; по отношенію же ко всему другому онъ держалъ себя небрежно-вольно, оттого бурсацкій типъ семинариста и сталъ чуть-ли не пословицею. Въ настоящее время сознано, что чувство законности, порядка и аккуратности слѣдуетъ развивать въ дѣтяхъ какъ можно раньше; а потому требуется, чтобы ученикъ былъ аккуратенъ въ школѣ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ долженъ не только учить урокъ и знать такимъ образомъ свое дѣло, но и вести себя по отношенію даже къ вещамъ своимъ самымъ разумнымъ образомъ: онъ долженъ понимать, для чего дается ему учитель, для чего книга, перо, карандашъ и проч. Особенное же вниманіе учитель долженъ обратить на то, чтобы дитя какъ можно ранѣе поняло смыслъ и назначеніе тѣхъ учебниковъ, по которымъ задаются уроки. Онъ долженъ именно ясно дать знать ученику, что всякая книга и другая учебная вещь, будучи нужною и полезною намъ при умственныхъ занятіяхъ, въ тоже время есть не болѣе, какъ пособіе, которое можетъ быть дѣйствительно полезнымъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ правильно пользоваться имъ; въ противномъ же случаѣ, всякая книга можетъ быть даже вредною для насъ.

Книга становится вредною, т. е. мѣшающею правильному развитію дитяти, особенно тогда, когда ей приписывается такое значеніе, котораго она не должна имѣть; а именно: перѣдко и ученикъ и учитель держатся того убѣжденія, что книга, или учебникъ, есть, такъ сказать, верховъ премудрости. Вслѣдствіе такого ложнаго убѣжденія дитя остается увѣреннымъ, что истинно по сущности и по формѣ своей только то, что напечатано; все же, что дитя само можетъ сказать и что другіе передаютъ ему, имѣетъ только ничтожное научное значеніе. Отсюда въ дитяти не замѣтно и очень рано развивается слѣбое, такъ сказать, поклоненіе учебнику: оно можетъ говорить смѣло только то, что заучило въ книгѣ; думаетъ, что всякая мысль его будетъ имѣть значеніе въ гла-

захъ учителя только въ томъ случаѣ, если она выскажется тою формою слова, въ какую она облечена въ учебникѣ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ такого заблужденія въ дѣтяхъ бываетъ рабское заучиваніе словъ и буквъ учебника, которое со временемъ доводитъ дитя до невозможности понимать и усвоить, а тѣмъ болѣе — передавать, самую простую мысль, выраженную устнымъ словомъ. Жалко дѣтей и больно смотреть на тѣ мученія, до которыхъ доводитъ ихъ неправильное обращеніе съ книгою: книги, которую учить, дитя не понимаетъ, потому что не мыслить, не относится критически къ тому, что заучиваетъ; спокойно и связно передать выученное другому — оно также не можетъ, потому что, передавая механически выученное, оно чувствуетъ себя постоянно связаннымъ тѣми страницами, тѣми буквами, тѣми цифрами, знаками и параграфами, которые, какъ враги, или дикіе звѣри въ лѣсу, постоянно угрожаютъ напасть на слабую голову дитяти и перестановкою одной строки на мѣсто другой — разрушить все то достояніе дитяти, которое оно съ такимъ трудомъ зубрило въ учебникѣ.

Не желая мучить дѣтей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на всегда дѣлать несчастными, учитель приготовительнаго класса приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы дѣти не находились въ рабствѣ у мертвыхъ книгъ. Съ этою цѣлю, не подрывая авторитета книгъ и печатнаго слова вообще, онъ насколько нужно разъяснитъ дѣтямъ, что не все то свято, т. е. истинно и непреложно, что напечатано; что самая лучшая книга, выученная механически, не приноситъ въ науку умственную сокровищницу ничего другаго, кромѣ путаницы; что не знанія зависятъ отъ книгъ, но наоборотъ книги всецѣло зависятъ отъ ума и сознанія нашего; поэтому выученное въ книгѣ можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если совершенно ясно и раздѣльно усвоено сознаніемъ. Понятно, что однихъ наставленій въ этомъ случаѣ для дѣтей недостаточно; они могутъ быть даже лишними и вредными, потому что могутъ быть не поняты дѣтьми. Учитель долженъ поэтому довести дѣтей до сознанія всего этого самымъ ходомъ своихъ занятій; пусть самымъ дѣломъ убѣдятся дѣти въ томъ, что знанія наши отнюдь не связаны съ книгою; пусть они подъ руководствомъ учителя дѣйствительно научатся приобрѣтать знанія безъ книгъ и такимъ образомъ сами увидятъ, что книга, если

и нужна имъ, то — какъ помощь, какъ пособіе, ничего существеннаго не дающее, если чтеніе ея не предшествуетъ сознательное отношеніе къ тому предмету, о которомъ читають.

Сообразно съ только что высказаннымъ пониманіемъ существа и назначенія книги, всѣ первоначальныя занятія съ дѣтьми приговорительнаго класса совершаются учителемъ безъ книгъ: чѣмъ меньше книгъ и чѣмъ рѣже попадають онѣ въ руки дѣтей, тѣмъ лучше! Главною книгою на первыхъ порахъ должна служить для дѣтей природа, или тѣ предметы, въ частности, которые изучаются въ классѣ; главнымъ руководствомъ должно быть собственное сознание дѣтей, а главнымъ пособіемъ — учитель!

Что же касается печатныхъ книгъ, то съ ними дѣти должны быть ознакомляемы только тогда, когда они поймутъ, что книги для нихъ — не болѣе, какъ выраженіе собственнаго ихъ сознанія, когда содержаніе ихъ стало уже собственностію дѣтей, такъ что книги дѣлаются нужными для какихъ-либо рѣшкихъ случаевъ и частныхъ цѣлей. Только въ послѣдствіи, когда сознание дѣтей достаточно прояснилось, когда путемъ устнаго слова дитя приобрьло необходимыя элементарныя свѣдѣнія, книга можетъ быть дана въ руки дитяти; но и въ этомъ случаѣ учитель долженъ дать дитяти всѣ средства къ тому, чтобы не учить книги механически. Ученикъ долженъ быть убѣжденъ, что заучиваніе книги нужно не само по себѣ, но — потому только, что оно ведетъ къ пониманію того или другаго; поэтому, если ученикъ хорошо знаетъ урокъ по книжкѣ, но не понимаетъ, однакожъ, того предмета, который служитъ содержаніемъ урока, то онъ напрасно трудился, и никоимъ образомъ не долженъ оставаться спокойнымъ — до тѣхъ поръ, пока сознательно освоится съ содержаніемъ урока.

(Продолженіе будетъ)

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Далматъ

Редакторы — сотрудники } А. Ржевскій,
Я. Степановъ,

СОДЕРЖАНІЕ: I. Посвященіе Его Святѣльствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода г. Еватерипослава, II. Занятія въ приговорительномъ классѣ при духовныхъ училищахъ (продолженіе).

Дозволено цензурою. 16-го октября 1875 года.

20 № Епарх. Вѣд. сланъ на почту 18 октября. Цен. въ Тип. Ч. М. Чаусскаго.

